

ГЛАВА 1

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ,
осень 1399 года

Ратный воевода Ремунас из Городненского замка в Принеманье пробирался в свои края после разгромного поражения войска великого князя литовского Витовта на реке Ворскле, которое нанесли ему ордынцы. Он до сих пор не мог поверить в то, что остался жив, — чудом, не иначе. От его большого отряда живыми уцелело после резни всего четыре человека, и они ехали сейчас рядом с ним, понурые и усталые. Да и сам он держался из последних сил. То, что пришлось пережить, было не просто страшно, это было хуже любого ночного кошмара. Такой чудовищной бойни он и припомнить не мог. А ведь много раз ходил в битвы со своим князем. Случалось, было трудно, в сражениях легко не бывает, но обычно они возвращались с победой. Городно было вотчиной князя Витовта, полученной им от отца, и биться с врагами им приходилось часто.

Эти земли испокон веков были беспокойными, и воевать здесь приходилось постоянно. То татары рушили город, то дружина князя Данилы Галицкого его осаждала, а потом и вовсе крестоносцы на него насели. Княжество-то на самой границе Литвы с Тевтонским орденом

раскинулось, а Городненский замок как раз на пути крестоносцев лежал. Вот они и осаждали его каждый раз, как на литвинов наступали в ходе войн бесконечных. А однажды, как рассказывал его отец, лет тридцать или более тому назад, рыцари Ливонского ордена вознамерились овладеть Городненским замком, который крепко стоял на берегу Немана. Собрали они рыцарское войско чуть не со всей Европы, даже англичане со своего острова приплыли, и уже предвкушали победу, двинувшись на город огромной лавиной, однако остались ни с чем — замок взять так и не смогли.

А потом великий князь литовский Кейстут еще укрепил город и замок, получив их в свое вотчинное владение, которое со временем передал сыну. Витовт жил в замке с семьей, когда был удельным князем Городненским. А потом, надев великокняжескую корону, он присоединил Городненское княжество к Троцкому, а Городно сделал своей второй столицей, поставив здесь каменный замок вместо деревянного. И посадил своего наместника управлять делами крепости и прилежащих к ней земель. Как раз Алджимантас, его, Ремунаса, отец и был ныне наместником в городе. И именно туда стремился попасть их маленький отряд.

Какой же трудный путь они преодолели. Оказавшись в стороне от основного направления, по которому преследовали конники матерого волка темника Едигея и молодого хана Тимур-Кутлуга остатки разбитого княжеского войства, побивая безжалостно всех, кого могли догнать, они двинулись на запад и только за Житомиром повернули на север. Долгой и трудной была дорога, когда их маленькому отряду приходилось пробираться нехоженными тропами, опасаясь столкновения с недругом более силь-

ным. Да еще рана Гиндараса их в пути задержала. Вроде бы и ранение не сильное, а лихорадка началась, думали, не выдюжит мужик. Едва отходили, да и то с помощью бабки старой в каком-то селе захудалом. Она травмами его на ноги поставила, хорошо в них разбирается. Теперь-то они уже совсем на своей земле. Вот и Городненская пуца начинается, знатные леса, а главное, свои, знакомые места. Можно немного дух перевести.

Отряд остановился на отдых. Развели костер, напоили и пустили попасться коней. Потом, не отходя далеко от лагеря — дичи-то тут много, — набили зверья и принялись готовить себе еду. Как хорошо было поесть горячего и свежего. Не хватало только хлеба, да и выпить чего покрепче не помешало бы. Но это уж дома, до которого от силы два дня неспешного пути. Потом устроились у костра передохнуть немного. Вспомнили опять ту битву жестокую, когда их загнали в реку и насели с двух сторон галдящие и отчаянно злые узкоглазые воины на быстрых выносливых лошадях. Вспомнили товарищей, что остались лежать на берегу тихой речки Ворсклы, кто целым, а кто и на куски порубанным.

Разговор на время затих, и вдруг Арнас насторожился, а потом коршуном бросился в кусты. Через пару минут он выволок из леса кого-то, похожего на человека, и поставил его перед своими спутниками. Те смотрели с удивлением. Перед ними был мальчишка лет четырнадцати, не больше, худой, оборванный и грязный до крайности.

— Он хотел стащить остатки нашей еды, — дал объяснение Арнас, — хорошо, что я услышал, как он подбегает из-за густого подлеска.

— Ты кто? — спросил мальчишку Ремунас.

— Бориска я, — нехотя ответил тот, глядя на воеводу исподлобья.

— Ишь ты, Бориска, — удивился тот. — А чего в нашей земле делаешь? И зачем еду нашу своровать хотел?

— Так я не себе, мальцу, он совсем отощал, бедный. Вот-вот Богу душу отдаст. А хозяйка моя и так в горе большом. Мужа у нее убили, замок порушили, а теперь вот сынок еле живой от голода, да и сама от ветра качается.

— И кто же вас так? — не унимался Ремунас.

— Так татары эти проклятые. Наш князь Иван Борисович на битву с ними ушел и дружину с собой увел — никто не вернулся. А в замке княжич молодой остался с малой дружиной. Когда татары к замку подошли, княжич женку свою Любаву, хозяйку мою, с сыном малым через подземный ход с другими бабами выпустил, а сам оборонять замок остался. Хотя как его оборонишь, когда набегники эти тучей налетели.

Мальчишка замолчал, сопя. Видно, не хотел слезы взрослым мужикам показывать, а сдержаться не мог.

— Ну и что было дальше?

— А хорошего ничего. Замок эти нелюди косоглазые взяли, всех, кто его оборонять остался, перебили, вместе с княжичем. Там и отец мой был с ними, — тут мальчонка не удержался и хлюпнул носом, размазывая рукой слезы по грязному худому лицу. — Туда потом старый Гридко Плаксич пробрался, кормилец нашего княжича. Ему княжич доверил жену свою и сына, а я помощником с ним пошел. Так он сказал, что от замка ничего не осталось, все порушили и пожгли ироды эти окаянные. А такой замок крепкий был, любо-дорого посмотреть.

— И где ж такой замок хороший стоял? — продолжать любопытствовать Ремунас. — И куда кормилец княжича подевался?

— Замок наш на реке Норин стоял, на холме высоком, что в Овручском княжестве. А Гридко потом голову сложил, но от малого отряда татарского, на нас налетевшего, госпожу свою уберечь сумел. Тогда кого из баб в полон забрали с ребятишками вместе, кто разбежался, а я, как велел мне Гридко, спрятал хозяйку свою с мальцом в развалинах старого хлева. Два дня мы там отсидели, не евши, не пивши. А потом на север стали пробираться, от татар подальше. Куда вышли, и сам не знаю.

— Далеко же вы забрались, — покачал головой воевода. — Овручский замок — на севере Киевского княжества, а вы нынче в Литву пришли. И как осилили такой путь? — Он помолчал немного, потом велел: — Ты вот что, Бориска, возьми с собой Арнаса, что тебя за руку поймал, когда ты воровать собрался, и приведите сюда хозяйку твою с сынком ее. Не дело бродить женщине с ребенком в лесах наших. — Ремунас усмехнулся. — Ты, конечно, защитник хоть куда, но с нами ей надежней будет, — добавил. — Здесь, если хочешь знать, и волки часом пошаливают, а у вас и оборониться-то нечем.

А ведь и правда. Что может делать беззащитная женщина, да еще с ребенком, в пуще? Легкая добыча для хищников. А здесь их много, порой и двуногих хватает. Просто им везло до сей поры. Хотя парнишка молодец, хорошо оберегает свою хозяйку. Из такого добрый воин выйдет.

Бориска с Арнасом ушли, а остальные остались сидеть у костра, молча ожидая их возвращения. Заняты были своей бедой и не беспокоились, как далеко теперь